

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.
1917—1920.

ПЕТЕРБУРГЪ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1921

M. Tseretheli, Sumerian and Georgian. A Study in Comparative Philology by — (отд. отт. из JRAS, октябрь 1913 [= стр. 783—821] и январь 1914. [= II, стр. 1—36]).

Работа М. Церетели вовсе не такой неподлежащей учету опытъ по вопросу о шумирскомъ языкѣ, чтобы отдѣлаться отъ него бѣглыми, краткими, аподиктическими утверждениями, какъ то мнѣ пришлось сдѣлать не только въ грузинскомъ органѣ ежедневной прессы, но и въ научномъ изслѣдованіи, попутно, въ примѣчаніи¹.

Я готовъ извиниться передъ авторомъ, если по неполнотѣ отзыва слова мои можно понять въ томъ смыслѣ, что въ окружавшей его западно-европейской средѣ Ц. работалъ ненаучно и трудъ его не имѣетъ достаточнаго значенія въ специальной литературѣ не на однихъ лишь западно-европейскихъ языкахъ. Утвержденіе мое сводилось лишь къ тому, что работа Ц. не основана на осознанныхъ началахъ яфетической теории, далека по своему подходу отъ лежащихъ въ ея основѣ началъ. Изъ этой оговорки не вытекаетъ и то, что Ц. не знакомъ съ моими работами и ничего изъ нихъ не усвоено. Наоборотъ, онъ былъ весьма внимательнымъ чтецомъ того, что изъ моихъ работъ его достигало, и воспринималъ то, что допускалось его конструкціею, а что лежащее въ основѣ моихъ работъ построеніе имъ не раздѣлялось, тому виной, быть можетъ, и то, что печатнаго учебника теории яфетическаго языкознанія не существовало, въ частности не существовало изложенія сравнительной яфетическо-семитической фонетики, вообще грамматики, непосредственнымъ же слушателемъ у меня онъ и не былъ.

Тѣмъ не менѣе имъ были уловлены весьма важныя частности яфетическаго языкознанія, какъ, между прочимъ, основы системы яфетическаго склоненія съ его многочисленными разновидностями, дававшія возможность возстановить склоненіе недошедшихъ до насъ самостоятельно, такъ называемыхъ «неизвѣстныхъ» языковъ, и въ неизвѣстномъ языкѣ съ плавнымъ г въ падежныхъ окончаніяхъ имъ былъ признанъ шумирскій². Имъ вполне усвоена сугубая падежная функція окончанія -га: оно—и Д., и В. падежъ. Болѣе того, онъ вполне устраняетъ всякую связь, кромѣ случайнаго

¹ Н. Марръ, Ах², стр. 9, прим. 1. Грузинская замѣтка была вызвана раньше появившейся на грузинскомъ языкѣ (сборникъ *საქართველო*, Тифлисъ 1912, стр. 25—117, съ подписью автора отъ «1912, 3/16 апрѣля, Гейдельбергъ»): *სუმერული და ქართული sumeruli da qarḡuli*; здѣсь имѣется и словарь (стр. 95—117), но лексической части спеціально я не касаюсь, важно для насъ вскрыты методологическую часть. Грузинская замѣтка, составленная на пути въ Сванію, была помѣщена въ газетѣ *საქართველო* 1-го томъ 1914, и ею не располагаю.

² Стр. 797: «This unknown language seems to be Sumerian».

созвучія, падежнаго окончанія этого типа -га съ глаголомъ ага, $\Sigma\Sigma$ *ходитъ*¹, съ которымъ созвученъ уже неслучайно грузинскій глаголъ г *ходитъ* (основа аг-)². Лишь когда онъ пишетъ о неизвестности генезиса суффикса -га, геср. -аг, допуская возможность и его послѣдознаго происхожденія, Ц. обнаруживаетъ неясность представленія объ исторіи яфетической флексіи, въ частности о роли мѣстоименія въ склоненіи³.

Если въ работѣ Ц. мы не находимъ сознанія и, понятнаго, признанія самой основы яфетическаго языкознанія, родства яфетическихъ языковъ съ семитическими, было бы несправедливо искать въ ней, требовать отъ автора того расширенія яфетидологическаго кругозора и того видоизмѣненія въ смыслѣ уточненія основнаго положенія о родствѣ яфетическихъ языковъ съ семитическими, которые возникали и возникаютъ на дальнѣйшихъ этапахъ развитія яфетическаго языкознанія въ связи съ расширеніемъ круга сравниваемыхъ яфетическихъ языковъ, чистыхъ, а затѣмъ и мѣшанныхъ яфетическо-аріевропейскихъ, да и вообще расово-гибридныхъ типовъ.

Повторю, это не помѣшало Ц. намѣтить цѣлый рядъ дѣйствительно родственныхъ явленій и чертъ у шумирскаго языка съ яфетическими, по терминологіи Ц. обычно «грузинскими» (хотя бы рѣчь шла о чано-мегрельскихъ, геср. лазо-мегрельскихъ, и даже сванскомъ языкахъ), не помѣшало ему сдѣлать рядъ цѣнныхъ наблюденій надъ шумирскимъ языкомъ, вносящихъ его въ одинъ кругъ съ яфетическими, и его, М. Церетели, нельзя не признать первымъ достаточно вооруженнымъ матеріальнымъ знаніемъ грузинской рѣчи, открывшимъ путь къ реальному лингвистическому анализу шумирскаго на основѣ родства съ языками, входящими въ кругъ яфетическихъ, дѣйствительнымъ піонеромъ въ этомъ вопросѣ, если и не трудномъ по богатству говорящихъ о такомъ родствѣ матеріаловъ, то весьма сложномъ и требующемъ весьма осторожнаго обращенія. И тѣмъ болѣе требуется указать возможно исчерпывающе тѣ части въ работѣ Ц., въ которыхъ перейдены границы такой осторожности, даны несостоятельныя разъясненія, и конкретно вскрыты основанія такихъ недоразумѣній, въ основѣ вытекающихъ изъ незнакомства съ существомъ яфетическаго языкознанія.

У Ц. пережиточный взглядъ на значеніе именно грузинскаго языка и ближайше родственныхъ съ нимъ языковъ сябиллптной вѣтви и въ вопросѣ о родствѣ шумирскаго съ яфетическими, когда на самомъ дѣлѣ слои спи-

¹ Стр. 797—798.

² Ср. ниже, стр. 460.

³ Стр. 793—794: «Now, whether these case-endings are of postpositional or of pronominal origin is quite obscure» (стр. 794).

рантного типа въ шумирскомъ не менѣе значителенъ, чѣмъ слои типа сорной вѣтви. Потому то шумирское окончаніе активнаго падежа -ge, какъ и лазо-мегрельскаго -qe → -q, представляющіе собой органическіе падежи, Ц. воспринимаетъ какъ послѣлоги (810), *patexi-ge*, *koḡi-qe* (← *koḡi-q1*, *gesp. koḡi-qe*). На самомъ дѣлѣ это падежныя окончанія спирантной вѣтви языковъ изъ ряда Р. -ge → -qe, Д. -ga (абх. || -ḡa) → qa (удин.). Появленіе Р. падежа, а не Д., какъ въ грузинскомъ, въ роли активнаго имѣетъ поддержку въ другихъ яфетическихъ языкахъ, и -ge представляетъ въ этой роли по значенію эквивалентъ халдскаго -ше. Въ освѣщеніи -ge → -qe || -q1 (→ -qe) съ точки зрѣнія ихъ генезиса (810, 812), въ производствѣ этого суффикса отъ *gan* || *kar* и *kide*, Ц. игнорируетъ мѣстоименное происхожденіе яфетическаго склоненія, не говоря о томъ, что, въ погонѣ за созвучіями, *ga^hp¹* сторона отождествляется съ *ga^hr¹* ← *ka^hr¹* *дверь*. О мѣстоименномъ согласномъ элементѣ *g* → *q*, да и объ образованіи активнаго падежа съ его помощью рѣчь будетъ у насъ особо въ грамматикѣ шумирскаго языка¹.

У Ц. нѣтъ опредѣленнаго взгляда на мѣсто яфетическихъ языковъ среди другихъ семей человѣческой рѣчи и грузинскаго среди яфетическихъ, онъ какъ будто не раздѣляетъ безспорнаго для посвященныхъ въ суть дѣла родства яфетическихъ съ семитическими², беря на себя непосильное бремя отрицанія трехсогласности яфетическихъ корней, въ частности — «чисто грузинскихъ». И потому, когда въ опроверженіе моего положенія Ц. утверждаетъ, что «most roots of pure Georgian have not the slightest trace left in them of the supposed earlier triconsonantalism» (815), онъ вскрываетъ лишь смѣшваніе имъ двухъ сторонъ лингвистическаго вопроса о семито-яфетическихъ отношеніяхъ: Ц. не различаетъ двухъ научныхъ подходовъ къ вопросу, одинъ изъ коихъ съ интересомъ генетическаго или вообще динамическаго порядка, другой статическаго. Конечно, о первобытности трехсогласія не можетъ быть и рѣчи, да и въ семитическихъ языкахъ болѣе древнимъ представляется двухсогласіе, наиболѣе ярко иллюстрируемое, какъ и въ яфетическихъ языкахъ, такъ называемыми «четырёхбуквенными» корнями. И часто даже для утвержденія двухсогласности нѣтъ основанія, напр., когда основой числительнаго «одинъ» не только въ шипящей группѣ, какъ выясняется Ц. совершенно правильно, *ar* (II, стр. 6),

¹ Шумирское -ge активнаго падежа есть именно то, чего никакъ не хотеть думать Ц., — окончаніе Р. падежа (ср. 812: «I do not think that it is identical with the *ge* genitive»).

² Нынѣ мнѣ можно приписывать наличную формулировку этого родства, отъ которой фактически и я отхожу, а никакъ не самую теорію, теорія уже не «моя» (ср. стр. 815 *et pass.*), а всякаго, кто лингвистически осознанно знаетъ или хотеть знать грузинскій языкъ.

но и въ свистящей соотвѣтственно народно -ег (ег-1 каѢ-1), и все-таки статически и въ грузинскомъ, и въ другихъ яфетическихъ языкахъ трехгласіе есть норма, какого бы происхожденія не были эти согласные по генетической исторіи, хотя бы и функциональнаго. И, понятно, нельзя, исходя изъ противоположной точки зрѣнія вмѣсто филологическаго анализа производить вивисекцію основъ, и напр. въ г. saql | м. oqor (|| араб. أهل | евр. לרא) первый слогъ sa- считать за префиксъ, а въ г. si-sql | м. zi-sqir *кровь* отъ трехгласнаго корня sq | sqg (сем. «ѡгг»: араб. ثار *кровь*) отсѣкать 3-й коренной l | г, точно это суффиксъ (стр. 819). В самомъ грузинскомъ егѢ-1 *одинъ*, и до отсѣченія Ѣ, мы имѣемъ двухгласный корень (гѢ), если не считаться съ исторіею, но сравнительной фонетикой устанавливается его трехгласіе, обратившееся въ двухгласіе за потерю слабого начальнаго согласнаго w и др. (wgѢ), откуда съ одной стороны въ самомъ грузинскомъ ugѢ-1 (← verѢ-1) въ составѣ ugѢ-1-egѢs *другъ другу*, букв. *одинъ другому*, съ другой — mart- (|| verѢ) по шипящей группѣ въ составѣ усвоеннаго грузинскимъ mart-o *одинъ только*. Если же прослѣживать генетическую исторію до-исторической эпохи, то сначала надо исчерпать его исторію въ состояніи трехгласности въ отношеніи и звукового состава, и семасіологіи: г. егѢ, эквивалентъ сванскаго ешѢ, какъ послѣднее слово, означало «рука», «руки», почему то же слово и въ сванскомъ уешѢ означаетъ «десять» (руки съ 10 пальцами), и, конечно, мы не можемъ отказаться, что егѢ *одинъ* также могъ звучать ешѢ-, resp. wешѢ || ешѢ, и, слѣдовательно, отождествляется не только съ асс. ištēn || ištīn *одинъ*, но и евр. ʔašdey- въ составѣ составнаго числительнаго 11 — ʔašdey ʔašdey и ʔašdey ʔašdey. Что ištēn, да и, слѣдовательно, евр. ʔašdey могутъ быть не семитическими, это пока дѣла не мѣняетъ. Вообще соотношенія семитическихъ и яфетическихъ числительныхъ гораздо сложнѣе, чѣмъ это представляетъ себѣ Ц., имѣются въ яфетическихъ языкахъ и двойники сем. احدъ съ сохраненіемъ спиранта h въ видѣ нодъемнаго африката ħ, и до ихъ разъясненія говорить о заимствованіяхъ съ той или другой стороны преждевременно, и не только преждевременно, но рискованно опредѣлять примитивы-слова путемъ простаго усѣченія послѣдняго кореннаго -ġu-Ѣ 5, pwi-d 7 и т. п. (II, 6), не говоря о томъ, что установленіе примитивовъ въ до-историческія эпохи, когда онѣ даже правильно опредѣлены, нисколько не ослабляетъ факта существованія трехгласности въ исторической періодъ жизни языка. Ц., не имѣя твердой яфетидологической почвы подъ собой, вмѣсто подхода отъ фактовъ и нормъ хорошо извѣстныхъ грузинскаго и родственныхъ съ нимъ языковъ беретъ курсъ семитологовъ, исходившихъ изъ теоретически менѣе извѣстныхъ, требовавшихъ предварительнаго историческаго освѣщенія

фактовъ шумирской рѣчи, поспѣшно разъяснявшихся ими на основѣ, главнымъ образомъ, созвучія¹.

Механическія расчлененія безъ учета законовъ сравнительной фонетики, обоснованной на психологической почвѣ; семасіологической связанности сличаемыхъ комплексовъ, вводитъ Ц. въ рядъ совершенно неприемлемыхъ утвержденій, какъ напр., еще анализъ предлога шда съ возведеніемъ его къ составному ше-да, гесп. ше-да². Бываетъ по той же причине и то, что составное слово принимается за простое, когда, напр., o-de-s *когда* (букв. *въ какой день*) принимается за основу od и суффиксъ -es (II, 29), и на этомъ строится отождествленіе съ шмр. udda *если!* Болѣе того, съ составнымъ, да и фиктивно оформленнымъ грузинскимъ o+de-s сближается грузинская глагольная основа vid [отъ корня vd || vl ← hvl || svl] и съ послѣднимъ отождествляется составная основа, даже не основа, а оформленный союзъ v1-d (II, 33—34), отложившійся въ грузинскомъ, собственно въ древне-литературномъ, грузинскомъ союзѣ v1+d-ge *куда, когда, пока, до тѣхъ поръ*, а также въ отношеніи мѣста нарѣчіе-предлогъ «до» и т. п. Это, да простится мнѣ выраженіе, наиболѣе полно и ярко выражающее способъ работы, — неосознанное извращеніе фактовъ въ пользу захватившей автора вѣрной мысли о родствѣ шумирскаго съ грузинскимъ, и чѣмъ болѣе вѣрной, тѣмъ болѣе дискредитируемой совершенно ненужнымъ искаженіемъ фактическаго положенія вещей, вообще матеріаловъ, откуда только и можетъ брызнуть свѣтъ и въ ширь, и въ глубь основного вопроса. Или еще: составныя отрицанія г. а-га (→а-г), ve-га (→ve-г) || м. ч. va-г воспринимаются какъ цѣльные слова и отождествляются съ шмр. бага, отрицаніемъ, которое въ свою очередь производится отъ шмр. bag *сторона, вѣшняя сторона* (II, 31): надо отказаться или отъ сопоставленія съ приведенными грузинскими отрицаніями, или отъ предлагаемой этимологіи шмр. бага, отъ возведенія его какъ цѣльнаго слова къ имени сущ. bag, имѣющему въ яфетическихъ языкахъ совершенно вныя соотвѣтствія также цѣльными словами: tertium non datur, а Ц. предлагаетъ совершенно безспорно разъясненныя грузинскія слова, извѣстныя величины, толковать по сомнительному анализу шумирскаго слова, и сравнительно, и исторически неизвѣстной лингвистической величинѣ, доходя до отождествленія г: veг съ первой частью искусственно

¹ Мы не останавливаемся здѣсь на объясненіяхъ того же евр. слова ученыхъ, возводившихъ его также къ шумирскому, гесп. «аккадскому». Они, какъ то Schrader, Delitsch, Haupt и др., работали безъ знанія не только яфетическаго языкознанія и устанавливаемыхъ имъ связей и съ шумирскимъ, а въ другой плоскости и съ семитическимъ, но и безъ знанія грузинскаго.

² Стр. II, 21—22. Кстати, шда-vida значитъ больше, чѣмъ he same down: шда указываетъ движеніе не только, пожалуй не столько, внизъ, сколько внутри, см. ниже, стр. 456.

расчленяемого *geg-d-i* или *gver-d-i* *сторона* и привлекая къ сопоставленію съ тѣмъ же отрицаніемъ даже г. *gag-e* || г. *kar-1* *дверь* (II, 31—32), уже исключительно на основаніи созвучія.

Сличенія и затѣмъ отождествленія формъ или словъ у Ц. основаны преимущественно, если не исключительно, на созвучіяхъ, часто случайныхъ, порой дѣйствительно соблазнительныхъ, порой преувеличиваемыхъ. Когда грузинскій послѣлогъ *ш*, остатокъ полнаго *шпа*, получившійся на самой послѣдней ступени развитія грузинскаго языка, послѣдовавшей за средне-вѣковой эпохой, отождествляется съ «миггрело-лазскимъ» -ше, окончаніемъ Р. падежа (стр. 796); эквивалентомъ грузинскаго -*si*, *gesp.* -*is*, одинаково пережитками эпохи возникновенія флективности въ яфетическихъ языкахъ то гдѣ послѣ этого какая либо грань полному произволу въ датировкѣ фактовъ, предѣлъ допущенія анахронизмовъ? Это съ одной стороны. А съ другой стороны, при шипящемъ *ш* въ чанскомъ и мегрельскомъ, языкахъ шипящей группы, въ языкѣ свистящей группы — грузинскомъ требуется *s*, чтò мы и находимъ (-*esh* || -*is* *с* -ше || -*si*). Это одинъ изъ основныхъ законовъ сравнительной грамматики яфетическихъ, какъ при *ш* въ свистящей группѣ въ шипящей мы первично имѣемъ *sk* → *zg* → *sq* (подъ различными лишь вліяніями *шк* → *шq*) и ихъ перерожденія, и потому м.-ч. *шqa* (вм. *sqa*) и той же основы св. 1-*sga* → 1-*sqa* никакъ не можетъ быть отождествляемо ни съ грузинскимъ *ш*, съ точки зрѣнія и его огласовки, не говоря о позднемъ его происхожденіи, ни тѣмъ болѣе съ *шг*. Вѣдь законы соответствія существуютъ и по огласовкѣ¹. Если бы *шг* дѣйствительно оказалось генетически связаннымъ съ *шga*, собственно позднѣйшимъ его видомъ *шг → *шqa* то оно должно было быть признано какъ простое заимствованіе изъ сванскаго языка съ продвиженіемъ согласнаго на первое мѣсто — *шг*, *gesp.* *шг-а*^п; какъ *шд*, другой вульгарный эквивалентъ двойникомъ *1-*шда*, чтò безъ префикса 1 налицо; въ грузинскомъ предлогъ *шда-* (← *шда*) *онутри*, *вниз* и т. п. Но анализъ г. *шг* — вообще весьма сложное дѣло, *г* въ немъ можетъ быть, если судить по созвучію, и остаткомъ *г*, корня-остатка со значеніемъ «мѣсто», *шг-гап* «во внутреннемъ мѣстѣ» || *егд-гап* «въ одномъ мѣстѣ», и вторымъ кореннымъ (въ связи съ яф. *шуп* || сем. *skp* и т. п.), и повторяю изъ удовольствія получить лишній доводъ въ пользу родства шумирскаго съ яфетическими языками, нѣтъ основанія пользоваться такими исторически не-доосвѣщенными матеріалами. Самая идея возвести

¹ Потому-то для яфетидолога совершенно непостижимо, какъ комплексъ -*ш*, будь онъ или сванскимъ или шумирскимъ, т. е. яфетическимъ, можно сопоставлять съ чано-мегрельскимъ -ше, тѣмъ болѣе — отождествлять (ц. м.) и въ то же время еще съ мегрельскимъ же *ш-ц*! (см. ниже, стр. 460).

шг къ шумирскому *šab* || *šag* *сердце, центр* съ привлечениемъ другого грузинскаго слова *šuda* *середина* встрѣчается съ иной еще связью понятія «середины», поскольку рѣчь идетъ о словѣ *šua*, особенно же *šuw-iz*, именно «путь», «пупокъ» (ср. евр. *כַּבֵּשׁ*), въ значеніи *пути* появляющагося и безъ 3-го кореннаго г — *šib* (√ *šib, *gesp.* *šub) и т. п. Слѣдовательно, осторожность въ пользованіи единичными выхваченными изъ неразрывной цѣли фактовъ, звеньями вужна не только сугубая, но учетверенная, и удесятеренная. Даже тожество или кажущееся таковымъ сходство звуковыхъ комплексовъ не можетъ обезпечивать правильности строяемыхъ на созвучіяхъ положеній, какъ напр. отождествленія шумирскаго падежнаго окончанія -*ga* съ шумирскимъ мѣстоименнымъ префиксомъ *ga*-¹. Мѣстоименный элементъ 2-го лица согласный г, извѣстный изъ мегрельскаго, нельзя отождествлять съ падежнымъ окончаніемъ по одному созвучію (стр. II, 20). Столь же мало считаются съ фактическимъ положеніемъ утвержденія (стр. 795), что — «to Sumerian *da* evidently corresponds Georgian *ad* (*da*) and to Sumerian *ta* the Georgian ablative case-endig *id* (-a)». Во-первыхъ, *id* не простое падежное окончаніе, а составное изъ, дѣйствительно, окончанія *id* и мѣстоименнаго нароста, своего рода опредѣлительнаго члена, такъ называемаго эмфатическаго гласнаго; въ шм. -*ta* мы имѣемъ, по видимости, простое падежное окончаніе, т. е. шм. -*ta* приходится отождествлять съ -*id*, и соблазнительность созвучія уже отпадаетъ. Если бы, однако, были реальны основанія для признанія въ шм. -*ta* одного падежа съ г. -*id*, то пришлось бы въ параллель г. -*id* || (м.-ч., св.) *-*ed* ∞ -*de*², что налицо и въ др.-л. арм. -*t*³/₁, -*ta*, признать перемѣщенной разновидностью архетипа *-*at*, но и тогда слѣдовало установить, что шм. а равняется г. і и м.-ч. е. Что касается г. *ad* (*da*), то Ц. бросаетъ въ одну корзину нѣсколько комплексовъ: прежде всего, -*ad*, падежное окончаніе — *qalaq-a+d*³, иногда, и то лишь по аналогіи получающее эмфатическій наростъ а — *ad-a*, при потерѣ начальнаго а послѣ гласнаго исхода основы звучащее случайно -*d-a*, и -*da*, послѣлогъ *для* — *šusn-da* *для насъ*, *mis-da* *для него*, сочетающееся съ Р. падежомъ и ничего общаго въ цѣломъ не имѣющее съ первымъ *da*: падежное окончаніе *ad* *составное*, это гласный характеръ Д. падежа а и послѣлогъ *d*, еще не разъясненный окончательно въ томъ отношеніи, тожде-

¹ Все, что предшествуетъ основѣ, есть префиксъ, что послѣдуетъ за нею, суффиксъ, хотя при наличіи ряда префиксовъ и суффиксовъ тотъ или другой префиксъ и суффиксъ оказался бы внутри составнаго слова, точно налицо инфиксъ.

² О св. -*de* см. ниже, стр. 460.

³ Лишнее всякаго историческаго обоснованія разъясненіе этой грузинской формы Ц. дасть на стр. 800, 801, 802 и 805.

ствененъ ли онъ съ упомянутымъ выше послѣлогомъ -da для или отличенъ отъ него, хотя и имѣетъ также свою огласовку а, гезр. е ||₁ (-^{da}/_{da} || -da) и т. п. Наконецъ, есть -da (→ d) || -па надежное окончаніе, да если и послѣлогъ, ничего общаго не имѣющее съ двумя разобранными созвучными суффиксами. Это окончаніе da → d отвѣчаетъ на вопросъ «гдѣ?»: sa-da *идѣ*, map-'da' *тамъ* (близъ 2-го лица) и др. Это -da, а не первое (ср. Ц., II, 21) могло бы быть отождествлено съ шумр. -ta въ словѣ gш-ká-na-ta фразы gш-ká-na-ta ba-ta dugun «подъ порталомъ (собств. притолокой) онъ уложилъ». Слѣдовательно послѣ данныхъ разъясненій всѣ сопоставленія упомянутыхъ грузинскихъ окончаній съ шумирскими на стр. 800—808 требуютъ коренного пересмотра и отчасти утвердившихся въ нихъ плевель. И при такомъ обращеніи и эти страницы способны дать матеріалъ или толчекъ для углубленной разработки вопроса и помогутъ намѣтить правильныя отождествленія для окончательнаго утвержденія. Надо только помнить, что вопросъ о родствѣ предполагаетъ не только сходства, но и расхожденія. Шумирскій языкъ не грузинскій, какъ можно думать по старанію (стр. 28—29 et pass.) получить тождественные въ нихъ звуковые комплексы для однозначущихъ словъ. Наоборотъ, тѣмъ болѣе требуется осмотрительности и тѣмъ сильнѣе долженъ быть скепсисъ, успокаиваемый лишь обоснованіемъ утвержденія на полнотѣ знанія фактовъ, чѣмъ болѣе соблазнительно созвучіе.

Съ другой стороны, родство не созвучныхъ комплексовъ ускользаетъ отъ его вниманія. Потому то, такъ или иначе отождествивъ шумирскіе числительные 1, 6, 10 съ грузинскими, и тѣ сомнительными приѣмами, Ц. спѣшить заключить (II, стр. 7): «Что касается остальныхъ числительныхъ, количественныхъ и порядковыхъ, никакого подобія нельзя отмѣтить въ этомъ отношеніи между «шумирской» и грузинской группами языковъ». На невхожденіи въ анализъ яфетической морфологіи основано и утвержденіе, будто «грузинскіе, менгрельскіе, лазскіе и сванскіе суффиксы» «не имѣютъ никакихъ аналогій къ шумирскимъ dug; du, da, dš» (II, стр. 819).

Объ исторіи языка у Ц. нѣтъ реальнаго представленія: говоря о томъ, что «грузинскій глаголъ за много вѣковъ подвергся отличному развитію во многихъ отношеніяхъ и во многихъ случаяхъ онъ находится въ полномъ расхожденіи съ шумирскимъ» (II, 8), Ц. внушаетъ двѣ неразрывно связанные другъ съ другомъ въ основѣ одинаково неправильныя мысли, отъ которыхъ онъ и исходитъ какъ отъ общихъ положеній: это, во-первыхъ, то, точно грузинскій оставался грузинскимъ въ теченіе многихъ столѣтій¹.

¹ Между прочимъ (II, 36): «The almost incredible stability of Georgian is astonishing when we compare it with Armenian or Greek».

Ц. не чуеть вовсе, что вопрос не въ отличномъ развитіи грузинскаго за много вѣковъ, а въ его перерожденіи или перерожденіяхъ въ процессѣ скрещенія. Во-вторыхъ это скрещеніе отнюдь не чуждо и шумирскому, шумирскій, несмотря на всю свою древность отнюдь не представляетъ въ какой либо мѣрѣ первобытнаго типа, и въ расхожденіяхъ грузинскаго съ шумирскимъ повинна бываетъ далеко не всегда одна грузинская сторона, а также шумирская, поскольку они, эти расхожденія, вытекають не отъ дальнѣйшаго во времени развитія первичныхъ данныхъ, а отъ наличія природныхъ элементовъ различнаго типа, отложившихся въ нихъ въ процессѣ возникновенія самихъ этихъ языковъ, грузинскаго и шумирскаго, путемъ гибридизаціи и скрещенія. Въ этомъ отношеніи не грузинскій языкъ отошелъ отъ шумирскаго, а и шумирскій и грузинскій языки отошли отъ своей примитивной природы, и вопросъ особый еще, насколько родство специально грузинскаго съ шумирскимъ болѣе тѣсно въ частяхъ, вскрывающихъ ихъ примитивный природный обликъ, сравнительно съ родствомъ отложившихся въ нихъ по скрещенію также природныхъ или ставшихъ для нихъ природными элементовъ.

И филологическая сторона въ работѣ Ц. не имѣетъ твердой базы: ново-грузинскіе матеріалы съ древнелитературными отождествляются безъ установленія и историко-литературной перспективы, и мы слышимъ абсолютно несостоятельное утвержденіе, что «ново-грузинскій есть тотъ же самый языкъ, что древне-грузинскій, съ тѣми же самыми словами и той же самой общей грамматической структурой»¹. Ц. не отдаетъ себѣ отчета, что лингвистически рѣчь идетъ собственно не о древне-грузинскомъ, котораго мы непосредственно не знаемъ и который, а priori можно утверждать, оказался бы одного общаго грамматическаго строя съ ново-грузинскимъ, а о древне-литературномъ языкѣ грузинъ съ его особыми нормами и особымъ словаремъ и, понятно, особымъ источникомъ ихъ происхожденія, отнюдь не тождественнымъ съ грузинскимъ. Если бы была осознана исследователемъ глубокая именно лингвистическая грань между древне-литературнымъ грузинскимъ и ново-грузинскимъ языками, то онъ представилъ бы въ иномъ освѣщеніи тотъ фактъ (стр. 814), что можно сказать *equ sasni elamelni 600 zlamitovz*, но нельзя въ томъ же смыслѣ сказать *equsasebi elamelebi*, хотя бы *equsasni elamelebi*: дѣло тутъ не въ окончаніи мн. числа въ одномъ

¹ Стр. 790, см. также 808 («other means to express... ideas... compared with the Sumerian are the most usual and regular in ancient and modern Georgian alike»). О такихъ мелочахъ, какъ *tavida* вм. *tarvida* (803), *mindwrađ* вм. *midvrad* (806) и т. п. не стоитъ говорить. Ц. съ шпр. шм отождествляетъ лишь по созвучію такую форму мѣстнаго падежа на -ши (стр. 808: Умша-ши), которая завѣдомо получена лишь въ XVIII—XIX вѣкѣ!

случаѣ -п-1, въ другомъ -еб-1, а въ принадлежности ихъ двумъ языкамъ съ различными нормами синтаксиса, съ различной психологіею.

Слѣдуетъ отвѣсти, думается, къ числу корректурныхъ недосмотровъ უზღეს uzgēs (797) вм. უზღუეს uzgues. Такимъ же lapsus calami хотѣлось бы признать, когда сравнительно съ შვეკმისით mikems-იდა *настухомъ* შვეკმისი შიკ mikemsis shieg признается позднѣйшимъ (801: «the later»), хотя вообще о положеніи дѣла въ древне-литературномъ языкѣ Ц., повидимому, имѣть не вполнѣ точное представленіе, отрицая архаичность окончанія -ძი сравнительно съ ბი (стр. 814): лингвистически -еб несколько не менѣе древнее окончаніе, чѣмъ -ძი, собственно -п (-1 окончаніе Им. падежа, его гласный характеръ), наоборотъ, -п представитель сравнительно болѣе новой стадіи развитія, чѣмъ -еб, въ формѣ лингвистически одной съ нимъ эпохи ему бы надлежало звучать -еп, что въ кое-какихъ категоріяхъ и появляется, напр., въ мѣстоименіи (ფი-ენ *мы* и др.), но въ древне-литературномъ языкѣ грузинъ оно — случайный гость, природно въ немъ гражданствененъ суффиксъ -п, постепенно вытѣснявшійся съ вульгаризаціею литературной рѣчи, и въ этомъ филологическомъ или историко-литературномъ отношеніи различіе -п (въ Им. падежѣ -ძი) какъ архаическаго отъ вульгарнаго -еб (въ Им. -ები) никакъ нельзя признать «абсолютно ни на чемъ не основаннымъ»¹; съ какимъ то недоразумѣніемъ имѣемъ дѣло, когда d въ грузинскомъ выдается за корень глагола *ходить* (стр. 798: «the verbal root & d = togo», или еще выше: «the Georgian roots & d and & r both signify „togo“»). Можетъ быть, не мѣшало бы оговориться, что даже г остатокъ двухсогласнаго корня vt || v1, восходящаго къ трехсогласному *швт || sv1.

О неправильности общаго подхода къ шм. та || г. 19(a) уже сказано (см. выше, стр. 457), но затѣмъ само объясненіе грузинскаго Т. падежа -ი, resp. эмфатическаго -ი-а изъ послѣлога ზაპ (стр. 792) вскрываетъ, что авторъ недостаточно знакомъ ни вообще съ природою грузинскаго склоненія, ни составомъ органическихъ его падежей, ни съ тѣмъ, что въ древне-грузинскомъ не ზაპ, а ზაპა, и перерожденіе даже комплекса ზაპ, тѣмъ болѣе — ზაპა совершенно исключается въ древне-грузинскомъ же².

Д. падежъ на -ძია шипящей группы, используемый какъ и въ грузинскомъ, въ качествѣ направ. безъ послѣлога (|| г. -sa; resp. -ა), или съ послѣлогомъ -ჩი въ мегрельскомъ -ша-ჩი (ср. г. -a-d), никакъ нельзя возводить, въ его основной части, къ послѣложному, отождествлять же нинимый

¹ 814: «this distinction is based upon absolutely no reason».

² Между тѣмъ это объясненіе Ц. такъ полюбилось, что онъ неоднократно возвращается къ его изложенію, такъ стр. 806 и др. Съ ზაპ(a) сопоставляетъ Ц. одновременно и шум. сравнительный суффиксъ та.

послѣлогъ -ша, на самомъ дѣлѣ лазо-мегр. падежное окончаніе, съ ново-грузинскомъ -ши, остаткомъ шпа (ср. стр. 792), значить, какъ показано уже (стр. 456), игнорировать основной законъ сравнительной фонетики сибилантной вѣтви яфетическихъ языковъ: свист. ш || шпи. sk (→ zg → sq), геср. шқи и т. п. Тв. падежъ на шw въ сванскомъ составной — Р. съ послѣлогомъ -шw, представляющимъ пережитокъ имени ши *рука* (семасіологически ср. въ древне-литературномъ грузинскомъ -ег, геср. -нег || -уег въ m-ег), и нельзя его воспринимать наравнѣ съ органическими падежами. Ц. сомнѣвается въ томъ, что не подлежитъ давно сомнѣнію — въ мѣстоименномъ происхожденіи грузинскихъ префиксовъ sa-, na- и т. п. (820).

Въ яфетическомъ языковѣ названіе падежей субъектомъ или объектомъ нисколько не опредѣляетъ падежа морфологически (ср. II, 17), такъ какъ у яфетидовъ субъектомъ можетъ быть, смотря по строю глагола, не только Им. (и _i), но и Р. (i || e) и Д. (a || o) падежи. Глагольную основу Ц. воспринимаетъ какъ неопред. наклоненіе (to be, to write, to ascribe, to give и т. д. II, 14 сл.), тогда какъ она всегда причастная. Въ префиксахъ глаголовъ Ц. не различаетъ предложныхъ мѣстоименій (m-o *ко мнѣ*, m-1 *къ нему*), воспринимаемыхъ какъ нарѣчія — *сюда, туда*, и чистыхъ мѣстоименій (стр. 18). Ему неизвѣстны аналогичныя выраженія приближенія и удаленія дѣйствія или состоянія мѣстоименными префиксами особенно въ сванскомъ, гдѣ совершенно не отмѣчена въ этомъ отношеніи роль согласной п и q (II, 13—14), и въ то же время данъ анализъ противоположеннаго расчлененія основы вспомогательнаго глагола — qwa-гi, qa-гi, a-гi (см. qw-ag и т. д., II, 15). Да и въ грузинскомъ языкѣ Ц. имѣетъ неправильное представленіе о положеніи вещей въ страд. залогѣ, такъ, напр., v-keð-d-eb-1 элементъ пассивности Ц. усматриваетъ въ согласномъ b, и отсюда b ему представляется означющимъ и «быть», наравнѣ съ v (II, 24). Тутъ выводъ столь же несостоятеленъ, какъ фактически невѣрно усматриваніе пассивнаго элемента въ b, когда таковымъ является d, да еще характеръ страд. залога 1, въ прош. несовершенномъ — o (|| u). Правда, это — элементы ученія о грузинскомъ языкѣ, но ученіе то, реально-историческая и сравнительная грамматика грузинскаго языка, основано и выработано на основѣ родства яфетическихъ языковъ съ семитическими, и при непризнаніи этого родства, по всей видимости, трудно дойти и до элементарныхъ теоретическихъ знаній по грузинскому языку.

Нѣсколько смутилъ меня одинъ приемъ, повторно допущенный Ц. при оспариваніи устанавливавшихся мною положеній по яфетическому склоненію, именно расширенное ихъ толкованіе въ предѣлахъ, не вытекавшихъ

изъ моихъ формулировокъ, и затѣмъ естественное опорачиваніе ихъ доведе-
ніемъ до абсурда, такъ, напр., Тв. -іѳъ есть десибиллованный представитель
подъемнаго изъ -іѳъ слога -іѳъ, какъ въ шишащей группѣ -еѳъ (ѳ -ѳе), геср.
-еѳъ (ѳ -ѳе) есть подъемъ Р. -ше. И вотъ Ц. пишетъ (804, п- Р. 1: «проф.
Марръ говоритъ, что Тв. -ѳѳъ -іѳъ, лаз. ѳѳъ -ѳе представляетъ резульатъ
звукового измѣненія ѳ (ѳ) → ѳ s (ш) → ѳ [собственно s || ш ↗ ѳ || ѳ → ѳ],
такъ что, слѣдую этой теоріи, шумирскій та, повидимому, долженъ быть
поставленъ въ связь съ грузинскимъ s, лазо-мегрельскимъ ш, слѣдовательно
съ шумирскимъ -га!» Это не Марръ, а Ц. отождествляетъ -іѳъ съ шум. -ta¹,
равно съ шум. -га! Ничего подобнаго авторъ настоящихъ строкъ не могъ
сказать, не только не говорилъ. Съ другой стороны, не всякая форма, на-
личная въ томъ или иномъ яфетическомъ языкѣ, тѣмъ болѣе въ такомъ
мѣшаномъ типѣ рѣчи, какъ шумирскій, есть природное для нея достояніе.

Въ заключеніе не могу не повторить, съ чего я началъ. Мое критиче-
ское отношеніе къ работѣ, какъ оно рѣзко ни выражено, отнюдь не
должно быть учтено какъ отрицаніе ея достоинствъ, особенно же какъ
отрицаніе полезности ея содержанія, матеріальной части сопоставленій и
наблюденій статическаго порядка. Въ западно-европейской литературѣ не-
посредственно для вопроса, составляющаго ея тему, это безспорно шагъ
и значительный шагъ впередъ. Яфетидологъ же въ ней не разъ долженъ
справляться по многочисленности матеріально правильно сдѣланныхъ сопо-
ставленій и неизбежныхъ съ нею встрѣчъ въ лингвистическихъ явленіяхъ,
и наблюденіяхъ, которыя дѣйствительно входятъ въ кругъ фактовъ обосно-
ванія принадлежности шумирскаго къ яфетической семьѣ языковъ.

Н. Марръ.

¹ См. выше, стр. 457.